

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«ОЩУТИТЕЛЬНАЯ ФОРМА ДОБРА И ИСТИНЫ». КРАСОТА В ТЕУРГИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКЕ В.С. СОЛОВЬЕВА

В.А. Мескин

Кафедра русской и зарубежной литературы
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье говорится о своеобразии эстетики В. Соловьева, о теургическом понимании философа и поэта природы художественного творчества.

О чем бы, о ком бы ни писал В. Соловьев — об истории философии или о литературе, о церкви или о политике, о мудреце Платоне или о пророке Мухаммеде и т.д., его мысли всегда устремлялись за границу избранной темы. Опираясь на теорию цельного знания, автор везде выступает и как ученый, владеющий богатейшим эмпирическим материалом, и как историк, и, конечно, как философ. В общем виде науку можно определить как род человеческой деятельности, открывающий связи в мире явлений. Взгляду В. Соловьева на этот мир, взгляду мыслителя, синтезировавшего разного рода познания, веру в абсолютное начало и собственную интуицию, открывается немало сокрытых связей, уже известным связям он нередко дает новые объяснения. Так в координатах философской системы В. Соловьева открывается не просто близость, а глубокое взаимопроникновение эстетики и этики.

Важнейшей скрепой, соединяющей эстетику, сферу знаний о природе, принципах воплощения прекрасного, и этику, сферу знаний о морали, поведенческой норме и их мотивациях, по мнению В. Соловьева, является творчество, человек творящий. В своей философской системе он придает человеку, его потенциальным созидательным возможностям такое значение, какое не придавал ни один мыслитель до него. Человек не социальная единица, не биологическая особь, а цельный, универсальный и индивидуальный организм, необходимое «связующее звено между миром божественным и природным» [1. С. 113]. Образно говоря, В. Соловьев очеловечил философию. Явление человека он представлял не только как

важнейшее событие мирового (божественного) процесса, но еще и как знамение грядущей победы света над тьмою.

Исторический человек у В. Соловьева, со всеми достоинствами и недостатками, не пассивный продукт, не просто результат космогонического процесса. На определенном этапе, согласно взглядам В. Соловьева, человек становится обязательным участником, активным и свободным деятелем этого процесса. «Результат природного процесса есть человек в двояком смысле: во-первых, как самое прекрасное (далее автор делает „ограничительную“ ссылку: разумея прекрасное „в смысле общем и объективном“ — *В.М.*)), а во-вторых, как самое сознательное природное существо. В этом последнем качестве человек *сам* становится из результата *деятелем* мирового процесса и тем совершеннее соответствует его идеальной цели — полному взаимному проникновению и свободной солидарности духовных и материальных, идеальных и реальных, субъективных и объективных факторов и элементов вселенной» [2. С. 127] («Идеальной цели» — иными словами — абсолютной гармонии). Это важное и новаторское положение соловьевского учения. Философские рассуждения автора переходят в рассуждения по этике, но те и другие рассуждения выходят к вопросам эстетики, наука о прекрасном выполняет у него роль своеобразного моста, соединяющего философию и этику. Дело в том, что центральная эстетическая категория — прекрасное — имеет отношение, с одной стороны, к бытию, к абсолюту, к акту творения, с другой стороны, — к быту, к человеку, к его поведению, его деятельности (1). Таким образом, ответственность за достижение «идеальной цели» делится между абсолютным началом и свободным человеком. Можно отметить, что такое отношение «христианского гуманиста» (так Н. Бердяев называл В. Соловьева) к человеку не получило и не могло получить санкции религиозных верхов. Официальной церкви по крайней мере в те времена была ближе позиция таких богословов, как блаженный Августин, Иоанн Златоуст, исходивших, прежде всего из постулата об изначальной и окончательной греховности человека (2).

Как следует из рассуждений В. Соловьева, все в мире имеет свою иерархию, иерархична и человеческая деятельность. Благословлен каждый труд, но есть особый род деятельности — художественное творчество: только здесь красота воплощается в конкретных совершенных, прекрасных формах и только здесь прекрасное есть побудительная сила и ориентир творца-художника. И в этом творец-художник, простой смертный, подобен Творцу, по определению В. Соловьева, «всемирному художнику». Важно отметить, что видение мирового процесса как движение стороннего замысла, доступного человеку именно в связи с решением определенных художественных задач, найдет понимание и своеобразное обоснование у многих выдающихся личностей начала XX в. Поэт в трактовке художников-символистов, прежде всего младшего поколения, испытавшего особенно сильное влияние философа и поэта, — теург, носитель «божественного откровения», соответственно творчество есть теургия, т.е. посильное содействие реализации божественного замысла. В. Иванов писал о теургическом творчестве:

От бога в сердце к богу в небе
Струной протянутая Ось...
(1914)

Залогом больших возможностей человека, залогом воплощения его высоких порывов является присутствие в нем и только в нем, в человеке, нетленной сущности. Душа истинно творческой личности в понимании автора «Общего смысла в искусстве» обладает особой чуткостью, проникновенностью, памятью. В общем понятийном плане рассуждения философа соотносятся со многими существовавшими и существующими у разных народов образными мифолого-религиозными и ранними мифолого-научными представлениями о пребывании нетленной сущности, души, в подлинном, идеальном, мире, созерцающей истинные явления и общающейся с высшими существами, с богами. Из этих представлений вытекает важное для творческой концепции В. Соловьева, а затем всех символистов понятие памяти души и, что особенно важно, памяти души художника: в моменты творческого экстаза именно она выступает его проводником в тот вечный мир и мудрым советником. Об этом, в частности, стихотворение В. Соловьева (1883), названном по первой строчке «Бескрылый дух, землю полоненный...»:

Неясный отблеск прежнего блистанья,
Чуть слышный отзвук песни неземной,
И все забытое в немеркнувшем сиянье
Встает опять пред чуткою душой.

Об этом стихотворение «Память» (1892):

Мчи меня, память, крылом нестареющим
В милую сердцем страну.
Вижу ее на пожарище тлеющем
В сумраке зимнем одну.

«Природный мир», рассуждает В. Соловьев в «Чтениях о Богочеловечестве», развивая идеи Платона, находится «в тесной связи с... божественным миром», лучи, отблески которого «должны проникать в нашу действительность и составлять все идеальное содержание, всю красоту и истину, которую мы в ней находим». Но сами собой отблески не проникают... Проводником их служит человек, деятельный, творящий, прежде всего «истинный» художник, черпающий оттуда «звучи и краски для воплощения идеальных типов». Есть и существенная разница между соловьевским и платоновским пониманием искусства. Древнегреческий мыслитель утверждал, что художник творит «тени теней», не имеющие прямого соотношения с истинной действительностью; В. Соловьев же полагал, что художник высвечивает и просветляет действительность. В. Соловьев не соглашается с мыслителями, в частности, с Г. Гегелем, утверждавшими, что красота есть лишь видимость, лишь путь к истине, «вечной идее», или ее предчувствие. В статьях по эстетике «Красота в природе» (1889) «Общий смысл искусства» (1890) автор говорит о самостоятельном значении красоты, доказывает верность своей формулы «красота есть ощутительная форма добра и истины» [2. С. 351].

Живая, вечно меняющаяся и вечно неизменная природа не во всех, но во многих своих явлениях — высокое произведение Творца. Здесь «всемирный художник», преодолевая сопротивление «оживотворенного хаоса», ваяет из материальной стихии «прекрасные формы». Здесь красота становится «объективной реальностью... независимой от субъективных человеческих вкусов» [2. С. 114—115]. В. Соловьев приводит бесспорные, по его мнению, примеры: звездное небо, пение соловья, роза, лань. Более того, он открывает «функциональное» значение красоты в мире живой природы, например, в ярком оперении у птиц, в причудливой раскраске у рыб. Вместе с тем, он говорит о массовом явлении «безобразья» в мире, указывая, например, на червеобразных, грызунов. Автор рассуждает о стойкости «безобразья», иначе говоря, «непросветленной» материи, в живой и неживой природе, но выражает убеждение, что косная стихия может быть побеждена. Возможность «спасительной» победы В. Соловьев связывает с активностью несущей красоту «всеединой идеи» (3).

Спасительное значение красоты, как ему представляется, интуитивно постигают большие художники. В образных картинах мира природы великим мастерам дано постичь и запечатлеть черты мира божественного. Такими мастерами в русской литературе В. Соловьев склонен был считать В. Жуковского, А. Пушкина, Ф. Тютчева, А. Фета. О них философ рассуждает в строчках, напоминающих стихотворения в прозе: «И человек, как принадлежащий к обоим мирам, актом умственного созерцания может и должен касаться мира божественного и, находясь еще в мире борьбы и смутной тревоги, вступать в общение с ясными образами из царства славы и вечной красоты» [1. С. 111]. Вот как говорит об этом В. Соловьев в строфических стихах:

Земля-владычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой.
В полуденных лучах такую негой жгучей
Сходила благодать сияющих небес,
И блеску тихому несли привет певучий
И вольная река, и многошумный лес.
И в явном таинстве вновь вижу сочетанье
Земной души со светом неземным,
И от огня любви житейское страданье
Уносится, как мимолетный дым.

(1886)

Проблему, если не сказать «трагедию», автор видит в том, что мир природный, физический не отвечает всем требованиям совершенной красоты. Материальная стихия сопротивляется, это сопротивление ощущает каждый человек, но всех острее — творческая личность. Мир демонстрирует лишь признаки абсолютной идеи: природная красота зачастую поверхностна, нередко служит прикрытием безобразия, а то и откровенного зла. В. Соловьев пишет: «Эта прекрасная действительность или эта осуществленная красота составляет лишь

весьма незначительную и немощную часть всей нашей далеко не прекрасной действительности. В человеческой жизни художественная красота есть только символ лучшей надежды...» [2. С. 92]. Об этом у поэта В. Соловьева есть множество соответствующих, таких, например, строк:

Непроглядная темень кругом,
Слышны дальнего грома раскаты,
Нет просвета в небе ночном,
Звезды скрылись — не жди их возврата.
(1890-е гг.)

Веет буря, гул и грохот,
Море встало, как стена,
И далече слышен хохот
И проклятья колдуна.
(1894)

В. Соловьев восхищался умением А. Фета воспеть природные красоты, но у него самого весьма немного строчек, имеющих типологические сходства с фетовскими. Красота у В. Соловьева-поэта, как правило, именно прозревается сквозь нечто ей чуждое, отмечена печатью потусторонности. Мир зримый для него — покрывало, скрывающее некую высшую тайну. Повторяя свои ранее высказанные мысли, он пишет в другой статье: «Но в природе темные силы только побеждены, а не убеждены всемирным смыслом, самая это победа есть поверхностная и неполная, и красота природы есть именно только покрывало, наброшенное на злую жизнь, а не преображение этой жизни» [2. С. 128]. Вот характерный взгляд В. Соловьева-поэта на природный мир:

И под личиной вещества бесстрастной
Везде огонь божественный горит.
(1875)

Не случайно стихотворение, обращенное к «милому другу», заветное для символистов, воспринимается как визитная карточка поэта-философа:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?
(1892)

Эстетическое отношение к действительности, признание верховенства законов красоты (гармонии, соразмерности, привносимой абсолютным началом), как следует из философии В. Соловьева, не прихоть художника: только при этом отношении он может выполнить огромную просветительскую задачу, которая возложена на него свыше. «Красота нужна для исполнения добра в материальном мире, ибо только ею просветляется и укрощается недобрая тьма этого мира». Искусство вдохновляет, поднимает человека над всей живой природой. В человеке просветленном, разумном заложено «быть не только целью природного процесса,

но и средством для обратного, более глубокого и полного воздействия на природу со стороны идеального начала» [2. С. 128].

Имея объективное значение и не довольствуясь своим осуществлением в природном мире, красота, полагает он, поднимается до сферы сознательной жизни. И — следует важный вывод, своего рода соловьевский императив: «Задача неисполнимая средствами физической жизни, должна быть исполнена средствами человеческого творчества» [2. С. 132—133]. Отсюда ответственная задача художника — вносить духовность в действительность, и временной период ее исполнения огромен, совпадает с концом всемирной истории. В. Соловьев настойчиво доказывает, что искусство — не «не пустая забава», не сфера дидактики, искусство — «вдохновенное пророчество».

Эти идеи В. Соловьева, скажем еще раз, оказали сильное влияние на становление и эстетику русского искусства начала XX в., помогли преодолеть отечественные и заимствованные декадентские тенденции, характерные для творчества первых русских символистов. Декаданс не совмещается с верой в умозрительные созидательные начала. Пристальное внимание к «недоброй тьме» *этого* мира, «страшного мира», как сказал поэт, еще не декаданс. Не случайно свое поколение художников А. Блок назвал «духовными детьми В. Соловьева». Позитивизм, имморализм благодаря «гиганту» В. Соловьеву были побеждены, по его мнению, «метафизикой и мистикой», прозрением «любовного света» надмирных высот [3. С. 23]. Творческий экстаз в понимании творцов нового искусства отождествлялся с религиозным экстазом и, соответственно, художественное прозрение отождествлялось ими с религиозным прозрением. Сложение стихов наследники В. Соловьева приравнивали к сложению молитв.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В рамках христианского миропонимания с давних времен существуют представления о красоте, как о модификации прекрасного, как представления собственно о Боге. Английский теолог XI—XII вв. Ансельм Кентерберийский писал: «Бог творит Красоту не только вне себя, он сам по своей сущности тоже есть Красота».
- (2) Известно, «бывают странные сближенья». Современный писатель Л. Улицкая опубликовала недавно содержательный роман «Даниэль Штайн, переводчик». Размышляя о мировидении главного героя этого романа, католического священника, имевшего прототип, трудно не вспомнить В. Соловьева, его мировидение.
- (3) История не знает безупречного философствования, носителя этих взглядов можно упрекнуть, и упрекали, в субъективизме. При этом упрекавшие сами впадали в субъективизм. Суровым оппонентом В. Соловьева был В. Розанов, автор ответной объемной работы «Красота в природе и ее смысл» (М., 1895). В. Розанов спорит и полагает, что красота — это производное некоей «жизненной энергии». Человек — носитель жизненной энергии «на высшей ступени ее осуществления», его восхищают восходящие формы природы, связанные с вечностью, и отталкивают нисходящие формы природы, связанные с временным, смертным (С. 21—22). Все другие живые существа, по утверждению оппонента, совершенно не ведают ни восхищения, ни отталкивания, взирая на природные формы. В. Розанов стремится доказать, что «жизненная энергия» по-разному проявляется у разных народов: одни расы тяготеют и создают красоту, другим расам (цветным) доступна только с красивость. Можно заметить, что субъективизм В. Розанова носит здесь расистский оттенок.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Соловьев В.* Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. — М., 1989.
- [2] *Соловьев В.* Общий смысл искусства // Владимир Соловьев. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. — М., 1990.
- [3] *Дневник А. Блока. 1901—1902 годы* // Блок А. Собр. соч. В 8 т. Т. 7. — М.; Л., 1960—1963.

«PERCEPTIBLE FORMS OF GOODS AND TRUTH». THE BEAUTY IN THE THEURGY AESTHETICS OF V.S. SOLOVJEV

V.A. Meskin

Department of World Literature
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article deals with originality of V. Solovjev's aesthetics and his theurgy understanding of the nature of art creativity.